

4. Национализм

Национализм является основным вероисповеданием буржуазии. Что для этого класса стоит выше индивидуальности отдельного человека, так это указанная общность, с небольшими различиями в значении, под разными названиями нации, народа, родины или государства.

Национальные и националистические чувства возникли и развивались вместе с буржуазией. Первоначальная крестьянская жизнь знала только общность деревни и более крупного племени, графства или кантона; для восходящего мещанского класса город был их общиной. Их общие интересы не выходили за рамки этих маленьких царств. Разговорные языки варьировались в более крупных регионах; их сходство с ограниченными регионами облегчало их связь под властью одного князя. Но обычно такое господство, путем завоевания и наследования, распространялось на страны с совершенно разной речью. Для крестьян это вряд ли имело значение, какой принц царствовал вдалеке и над какими другими людьми.

Это изменилось с ростом торгового и еще больше с ростом промышленного капитала. Купец, торгующий через обширные страны и моря, нуждается в сильной державе, которая защищает его, борется с его конкурентами и покоряет отсталые племена; если этого нет, он сам основывает городскую федерацию. Промышленнику нужны безопасность на дорогах, единство закона, защита сильнейшей, чем город, державы. Там, где в результате изоляции, как в Англии, или завоеваний князей, как во Франции, к ним присоединялись более крупные области, их нужно только консолидировать и укрепить изнутри. В других случаях, как в случае с Италией и Германией, сильные государства должны были быть построены в современную эпоху, через войны и революции, через силу националистического чувства буржуазии.

Это не означает, что государство и нация идентичны или совпадают. Государство — это структура власти, обеспеченная физическими средствами принуждения и подавления; нация — это общность, связанная внутренними силами. Поэтому государство обладает наибольшей внутренней прочностью, когда оно совпадает с нацией. Но государства для увеличения своей власти стараются включить в свой состав как можно больше регионов и народов, хотя они могут принадлежать к другим нациям, смешавшись друг с другом в результате случайных миграций в давние времена. Так, в Данию раньше входили немцы, в Германию — датчане и поляки, в Венгрию — румыны, славяне и немцы, в Румынию — венгры и немцы. Австрийская монархия состояла из семи различных национальностей, которые никогда не росли вместе. В таких случаях рост национальных чувств, сопровождающий подъем современной буржуазии, действует как разрушительная сила. В случае портового городка с внутренними районами различных рас и языков (таких как Фиуме или Данциг) экономические интересы, требующие политического единства, ослабляются национальной враждой.

Общий язык, как инструмент понимания, является самой могучей силой, способной сплотить людей в одно государство и одну нацию. Однако это не означает, что нации — это просто общность речи. Швейцарцы в большинстве своем говорят по-немецки, но при этом являются отдельной нацией, отличной от немцев. Английский и американский народы говорят на одном языке. Швейцарский народ на протяжении пяти веков уже прошел свой собственный путь, отличный от пути других немецкоязычных народов. Они жили под своими особыми институтами, управляя собой как свободные крестьяне в условиях первичной демократии, в то время как немцы были угнетены игом нескольких сотен мелких тиранов. Все швейцарцы пережили одни и те же исторические события, которые формировали их сознание; в постоянном актуальном и духовном общении они переросли в сходство характера и идей, отличное от того, что было по другую сторону границы. Не только приобретенные таким образом пассивные качества, но и гораздо более активная воля, взаимное чувство принадлежности друг к другу в общности жизни, соединяют и разделяют человечество на народы. То же самое происходит и с англичанами и американцами: их отдельная история на разных континентах, каждая следуя своей судьбе, часто в резкой враждебности капиталистических интересов, делала их разными нациями. И внутри каждой нации общность судьбы, подчинение одним и тем же историческим влияниям накладывало на всех общий отпечаток; общая борьба за общие интересы, за общую свободу сваривала их в нерушимое единство. Она породила общность идей, воплощенных и укрепленных литературой, искусством, ежедневными газетами, составляющими национальную культуру, сама по себе являлась важным фактором развития чувства национальной принадлежности. Даже ожесточенная борьба классов происходит на этой общей почве общего опыта взлетов и падений, взаимной борьбы как прямых личных противников.

Таким образом, нация — это не общность государства, не общность языка, а общность множества [судьбы, вытекающей из их общей социально-экономической практики]. Конечно, эти различные типы сообществ сильно зависят друг от друга. Язык — это сильный фактор построения нации. Национальность — сильнейшая государственная строительная сила. Наоборот, политическая государственная власть сильно реагирует на создание и разделение наций, объединяя и разделяя народы, создавая или разрушая общность множества [ощущение общей судьбы]. В средние века Северную и Южную Францию, различавшуюся по языку так же, как Францию и Испанию, объединили завоевания; во время подъема буржуазии они образовали одну страну, и в качестве единства пережили более поздние революции. Одновременно со швейцарскими горцами Нижние земли, граничащие с океаном, политически отделились от большого немецкого тела. Десятки богатых купеческих городов, защищаясь на суше цепью союзных провинций, образовали независимое государство, подняв голландский диалект на уровень отдельного языка со своей литературой и культурой; а по своей особой истории стали отдельной нацией. Фламандцы, хотя и говорят на одном языке с голландцами, по своей совершенно разрозненной и отличной истории не могут считаться принадлежащими к одной нации, в то время как их политическому единству с Валлонами мешает разница в языке. Политические меры, продиктованные экономическими интересами, постепенно сплестили шотландцев с англичанами в одну нацию, тогда как ирландцы такими мерами были загнаны в сознание отдельной и враждебной нации.

Таким образом, нация является продуктом истории. Все события прошлого, переживаемые совместно, определяющие характер, чувства, культуру, оседают в виде национальности. Национальность — это зарождающаяся история, увековеченный итог прошлого как живой силы.

Национальный характер и, тем самым, еще более национальное чувство, самопроизвольно вырастающее из общества, составляют внутреннюю силу национальных государств. Они необходимы буржуазии, воспеваются как патриотизм и подкрепляются особыми мерами. Различия в границах максимально стираются, различия с внешним миром подчеркиваются и усиливаются. Один общий язык, необходимый для общения, преподается во всем мире, подавляя старые диалекты и даже языки меньшинств — как гэльский в Уэльсе, провансальский на юге Франции — который остается только курьезами отдаленных деревень. И обширная литература на этом общем языке, начиная с раннего детства, работает, чтобы произвести впечатление идентичных идей и одинаковых чувств на все население. Намеренная пропаганда работает для того, чтобы усилить взаимные чувства связи и придать антагонизм чему-либо инородному более осознанный характер. Доктрина классовой борьбы, пронизывающая национальную общность, осуждается как опасность и даже преследуется как преступление против национального единства. Будучи спонтанным живым продуктом общества, который развивается и изменяется вместе с самим обществом, национализм провозглашает себя вечным фактом природы и долгом человека.

Национальность — это сжатая история, но история продолжается, постоянно пополняя прежнее месторождение. Новые экономические события, рост капитала, войны и завоевания порождают новые интересы, меняют границы, пробуждают новые направления воли и чувств, объединяют или разделяют народы, ломают старые сообщества и порождают новые. Таким образом, национальность, вместе с ее более глубокими генерирующими силами, колеблется, по своим масштабам и содержанию, проявляя различные аспекты.

Подобно тому, как мелкая торговля остается в рамках крупного капитализма, провинциальность, остатки старых обычаев и идей, сохраняются, а иногда и выходят за пределы государственных границ. Во времена восходящего капитализма со свободной торговлей, охватившей весь мир, в буржуазии утвердились чувства космополитизма, международного братства всего человечества. Затем, когда конкуренция стала ожесточенной, а последовавшая за этим борьба за мировую власть углубила национализм, это было высмеяно и подавлено как детская иллюзия. В тех частях мира, где капитализм только начинает закрепляться, где он начинает подрывать примитивную экономику и низвергать изношенные деспотизмы, мы видим, как создаются нации. Помимо жаждущих наживы бизнесменов, авантюристов, агентов зарубежного капитала и хищных политиков, формирующих начало буржуазии, именно интеллектуалы, образованные европейскими науками и идеями, выступают в качестве выразителей национализма. На Балканах случайные результаты войны часто решали, какие смежные долины с родственными диалектами будут включены в сербский или болгарский народ. В Китае класс купцов и землевладельцев, духовно объединенных уже старой культурой, при поддержке западного образованного класса интеллигенции, постепенно развивается в современную буржуазию, одушевленную растущим духом национализма. В Индии такой рост, хотя и уходит корнями в отечественную капиталистическую индустрию, сильно сдерживается устаревшим

разнообразием религий. Во всех колониях, где еще нет буржуазии, национализм, распространяемый небольшими группами интеллигенции, является первой теоретической формой восстания против иностранной эксплуатации. Там, где, с другой стороны, в группах одного миллиона человек, говорящих на отдельном диалекте, возникает национализм, по желанию или только прихоти интеллигенции, он может действовать как деструктивная сила, нарушающая единство более крупных единиц.

В странах современного капитализма национализм прошел через различные формы, соответствующие развитию буржуазии. Когда буржуазия на своем первом подъеме становится хозяином в своем городе или царстве — это свобода, за которую она борется. Она не только ломает власть дворянства, собственность на землю в своих владениях, она должна победить иностранные державы, которые подавляют или угрожают его свободе. Подъем буржуазии как правящего класса связан с войной против иностранных феодальных или абсолютистских или ранее доминировавших капиталистических держав. Такие войны — это освободительные войны, это своего рода революция; всякий энтузиазм, всякая преданность, зарождающаяся от создания высшей системы производства, проявляется как национальная страсть и возвышает национализм до возвышенного идеализма. Так было с освобождением Голландии в XVI веке от испанского короля, с одновременной борьбой англичан против испанской мировой державы, с Америкой в 1776 году против Англии, с французами в Великой революции против Европы во главе с Англией, с итальянцами в XIX веке против Австрии; и даже война Германии против Франции в 1870 году имела некоторые черты. Такие освободительные и консолидационные войны, утверждающие ее независимость и власть, во все последующие годы возвышаются буржуазией как возвышенные вершины национальной истории.

Но потом, постепенно, картинка меняется. Капитализм — это эксплуатация, это доминирование эксплуатируемого класса эксплуатируемым. Буржуазия, освободившись от господства собственности на землю, устанавливает новое подавление. Отбросив иго иностранного угнетения, она вскоре начинает накладывать свое иго на более слабые народы, соседние или далекие колонии. Особенно с развитием крупного капитализма. И всегда под одними и теми же лозунгами национализма. Но теперь у национализма другой цвет. Не свобода, а величие нации — ее лозунг. Он апеллирует к чувствам гордости, к инстинктам власти, ко всем остальным классам, которые должны служить буржуазии как ее помощники и подопечные, как выразители, как военные и гражданские офицеры, и которые принимают участие в его власти. Теперь собственный народ провозглашается избранным народом, превосходящим по силе и добродетели, «великой нацией», «герренфолком», «лучшей расой среди человечества», призванным вести за собой или господствовать над другими народами. Как борьба за мировую власть, борьба за господство в мире между капиталистическими классами становится ожесточенной, национализм перерастает в лихорадочную страсть, часто унося с собой всё население в общей борьбе за существование.

Национализм — это не просто искусственная доктрина, навязываемая правителями массам. Как и любая система мыслей и чувств, он возникает из глубины общества и исходит из экономических реалий и потребностей. Для буржуазии нация — это та общность, к которой привязаны ее страдания и горе; поэтому все старые инстинкты общинного чувства ставятся на службу и развиваются под влиянием могучих сил идеализма. Больше, чем повзрослевшая

молодежь, еще не пронизанная духом корыстного стремления к прибыли, восприимчива к восторженному отклику на призыв общности. Для трудящихся масс до тех пор, пока у них нет возможности и мыслей бороться за себя против буржуазии, нет другого пути, кроме как следовать за ней. Духовно зависимые от господствующего класса, они должны более или менее охотно принимать его идеи и его цели. Все эти влияния работают как духовные силы в царстве инстинктивной спонтанности.

Но потом, к этому добавляются целенаправленные усилия буржуазии, направленные на интенсификацию спонтанных ощущений искусственными средствами. Вся просветительская работа в школах и пропаганда в литературе и публицистике направлены на воспитание и укрепление духа национализма. Конечно, не показывая его связи с прибылью для капитала; ясного сознания этой связи, как и во всех идеологиях эксплуатирующего класса, не хватает, и его следует бережно хранить в тайне от эксплуатируемых масс. Поэтому необходимо искать другие основания, искать другие, как правило, обманные аргументы, заимствованные, главным образом, из существующих традиций, основанных на прежних социальных условиях. Любовь к месту рождения, где стояла наша колыбель, память о мире нашей молодежи, деревнях или городских кварталах, небольших общинах крестьянского или ремесленного быта должны служить закреплению приверженности националистической государственной власти, где она борется с иностранными державами, ради наживы капитала. История окрашена и начертана таким образом, чтобы превратить строгую объективную истину о прошлом в блестящий односторонний образ жизни нации, способный пробудить в молодых людях сильные чувства межобщинности, энтузиазма, гордости и восхищения, возвысить их сердца, напрячь их разум, подтолкнуть к подражанию, а значит, закрепить внутреннюю силу национального сообщества.

Чтобы придать еще большую прочность национальной идеологии, она иногда опирается на материальную, физическую основу, на кровосмешение и расу. Расы человечества сформировались за многие тысячи лет доисторических времен. Мы встречаемся с ними на заре истории, а затем в окружающих варварских странах и континентах, как группы со схожими качествами. Они сформировались в результате миграций, завоеваний, истреблений и смешений первобытных групп, когда в более спокойные времена или в изолированных регионах смесь оседала на определенных типах. Борьба за жизненное пространство и за обладание источниками жизни продолжалась и в более поздней цивилизованной истории. Но теперь, развивая новые формы производства, как борьбу государств и наций. Хотя и те, и другие являются сообществами множества [общей судьбы] и обозначаются одним и тем же названием «народ», между первоначальными расами и более поздними нациями существует принципиальное различие. Расы — это группы, соединенные кровными узлами, кровосмешением; нации, сформировавшиеся в эпоху товарного производства, — это группы, соединенные духовными узлами общего сознания, идеями, опытом и культурой. Письменная история великих миграций в более поздние времена свидетельствует о том, как почти все современные народы, нации, были сформированы в результате тщательного смешения различных рас. И этот процесс смешения происходит, хотя и в более спокойных формах, в современных промышленных условиях. Большое количество людей мигрирует из бедных аграрных регионов в иностранные промышленные города или районы; например, ирландцы — в английские города, чехи — в Вену, поляки — в Рейнскую землю, европейцы — в Америку. В основном они принимают язык и привычки из своего нового окружения, а также идеи, и

таким образом растворяются и ассимилируются в своем национальном сообществе. Только тогда, когда в миграции участвуют более связанные между собой массы, особенно когда их уже коснулось сознание ожесточенного национального противостояния, ассимиляция прекращается.

Когда современная нация претендует на то, что она является чистым потомком одной оригинальной расы, как это можно решить? Свидетельства истории, обычно неопределенные, указывают на сильное смешивание. Так же, как и языковое сообщество, не имеет решающего значения. Правда, крестьянские общины упорно придерживаются своего языка до тех пор, пока на их жизнь и труд не влияют другие доминирующие языки. Но хорошо известно, как часто при смешении народов язык победителей принимается побежденными, а язык более цивилизованных жителей — менее цивилизованными злоумышленниками. Языковая общность в дальнейшем является мощной силой в создании наций; но она не может сделать определенную общность родовой. Кроме того, между основными группами — европеоидами, монголоидами, негроидами — существуют телесные различия в цвете, волосяном покрове, структуре тела и форме черепа, явные и большие. Но они малы в подчиненных группах. И во всех современных народах эти телесные особенности проявляются в наиболее постыдном разнообразии. Этнологи, особенно в Германии, говорят о «скандинавской» расе, долихоцефалической [с продолговатым черепом], блондинах и голубоглазых, из которых тевтонцы были потомками и представителями, в отличие от более темной «альпийской» расы, брахицефалической [с круглым черепом], проживающей в Центральной Европе. Но современная Европа демонстрирует доминирование долихоцефалии только в Норвегии, Северо-Западной Германии, Голландии, Англии, в то время как основная часть Германии — брахицефалическая, всё больше и больше в более поздние века. Американский этнолог Диксон обратил внимание на то, что жители тогдашней австрийской монархии по телесным характеристикам и форме черепа представляли собой почти однородную расу, в то время как они были разделены на семь яростно ссорящихся народов, говорящих на столько же разных языков, и объединены разными древними сказаниями и приключениями. С другой стороны, французы, физически проявляя смесь самых разных расовых характеристик, чувствовали и действовали как одна однородная консолидированная нация.

Расовая общность как основа национальности — это лишь фантастическая теория, придуманная и распространенная в политических целях. Сила немецкого национализма уходит корнями не в кровь древних тевтонов, а в потребности современного капитализма. Сильные реальные корни национализма находятся в экономике, в способе производства. Поэтому он должен быть разным для разных классов.

В рабочем классе национализм так и не прижился. В мелкобуржуазных и крестьянских классах, из которых он исходил, национальное чувство не играло большой роли, а их собственная эксплуатация капиталом придавала идеям другое направление, не к общности, а к борьбе с буржуазией. Они воспринимали национализм как идеологию своих эксплуататоров, часто как форму лицемерия, когда самые жадные капиталисты использовали патриотические разговоры, чтобы набить собственные карманы. Когда по безработице они были вынуждены бродить по другим странам, они находили других рабочих, товарищей, эксплуатируемых, как и они сами. Практически, своей борьбой, а затем

теоретически, в своем сознании, они провели разделительную линию через всю нацию. Другое сообщество множества, классовое сообщество определяло их чувства и мысли, распространяясь по всем странам. Разделительная линия классов пересекает линию наций. Националистической пропаганде буржуазии они противопоставили реальность своей жизни утверждением, что у рабочих нет родины. Социалистическая пропаганда, в корне противостоящая капитализму, провозгласила интернационализм принципом рабочего класса.

Но под сознательными помыслами и заклетыми учениями было в рабочих, в их подсознании еще некое национальное чувство, раскрывавшееся в начале мировой войны. Практически они должны были молча соглашаться с властью буржуазии и были ее подчиненными; практически их борьба не могла не только утвердить свое место в капитализме, но и в своих идеях не могла достичь полной независимости. Когда рабочие политически и социально следуют буржуазии, они остаются мысленно мещанами. В Англии они участвовали в прибыли, которую мировая торговля, промышленная монополия и колониальная эксплуатация давали буржуазии. В Германии энергия буржуазии на завоевание мировой промышленной мощи увлекла их в смутное ощущение того, что промышленная мощь и процветание — это тоже интересы рабочих. Так национализм в рабочем классе был спутником реформизма, в Англии — тихой, едва сознательной консервативной традицией, в Германии — стремительным инстинктом, движимым бурной экономической экспансией. Следует отметить, что национализм рабочего класса всегда был пацифистским, укоренившимся в традиции мелочных иллюзий, в отличие от агрессивного, насильственного национализма буржуазии.

Когда рабочий класс начинает свою революционную борьбу, национализм полностью отпадает. В организации производства новых рабочих нет никакого антагонизма интересов с другими народами; он распространяется на страны, игнорирующие все прежние границы. В перестройке общества борьба нужна только против капиталистического класса; в этой борьбе рабочие всего мира вынуждены полагаться друг на друга как на братьев по оружию; вместе они принадлежат к одной армии. Они, конечно, говорят на разных языках; но эти различия относятся только к внешним формам их мыслей. Основное содержание, их идеи, их чувства, их культура, определяемые как они есть той же классовой борьбы, общая борьба, как главный жизненный опыт, общий жребий, идентичны. Из того, что были подвергнуты различным национальным влияниям в предыдущей истории, могут остаться различия в пассивном характере и культуре, но в активном характере, в направлении воли, они образуют одно единство. Это новое состояние мышления рабочего класса невозможно обозначить, назвав его международным; это больше и выше, чем мирное сотрудничество свободных и равноправных наций. Это все отсутствие национальности; ибо трудящихся наций не существует, они видят перед собой единство человечества во всем мире, производственную, жизненную, культурную общность. Во всем многообразии телесных качеств и природной среды, местной речи и традиционных привычек простирается связь всего человечества как единого великого сообщества судьбы. Таким образом, с земли исчезает национализм вместе с классом, который был его автором.

Это будущее. В настоящее время национализм существует как мощная сила, препятствующая этому. Для трудящихся необходимо не только разрушить всю

националистическую традицию в себе, но и, чтобы избежать иллюзий, понять ее силу во враждебном классе. Национализм не принадлежит к идеологиям, которые, как традиции прошлых времен, в современных условиях постепенно гасятся. Это живая идеология, заново вытягивающая свои силы из плодородной экономической почвы, стоящей в центре борьбы, флага врага. История Германии последней четверти века является примером того, как после падения ее государственной власти буржуазия смогла возродить себя с помощью духовной силы, через национализм, и таким образом построить новое, более могущественное государство.

Начало первой мировой войны в 1914 году стало катастрофой социал-демократии и рабочего движения. Партийные и профсоюзные лидеры поставили на службу правительству всю мощь своей организации, ее прессу, ее моральный авторитет; в Германии, считающейся передовой силой и примером для рабочего класса, и во всех других странах. Это был крах всех гордых программных лозунгов классовой борьбы и интернационализма. Рабочие, вложив все свое доверие, веру в свою партию, свою организацию, теперь были бессильны против националистической пропаганды, против совокупного давления со стороны военных и партийного аппарата.

Затем наступил 1918 год — падение немецкой военной мощи. Восстание моряков, забастовки и демонстрации в главных городах, формирование рабочих и солдатских советов привели к власти социалистических вождей. Они были единственными, кто сдерживал рабочий класс и предотвратил настоящую рабочую революцию, которую они ненавидели и боялись не меньше, чем генералы и капиталисты. Рабочие массы обнаружили, что политическая власть оказалась в их руках; но они не знали, что с ней делать. Опять же они вложили свою веру в партию, в своих вождей и пассивно пострадали небольшие передовые группы революционных бойцов и ораторов, которые были уничтожены вооруженными силами по приказу социалистических правителей. Их всегда учили, что партия принесет им социализм. Теперь партия была правящей, теперь их лидеры были на посту, теперь должен был наступить социализм.

Что они получили, так это капитализм. Социалистические лидеры не прикасались к капиталистической собственности, даже к аристократической собственности на землю. Созвав Национальное Собрание, они сразу же восстановили парламентаризм, который всегда был элементом их жизни. Так буржуазия обрела официальный центр организованной власти. Она была вполне удовлетворена тем, что социалистические и демократические политики, обольщая массы иллюзией власти, занимают руководящие посты; затем их можно постепенно вытеснить и заменить либералами и реакционерами. Капитализм действовал, как всегда: эксплуатировал массы, экспроприировал средние слои, усугублял экономический хаос, играя со средствами производства, подкупал чиновников и ввергал общество во все новые кризисы безработицы. И все недовольство и отчаяние обратилось против новой республики и ее парламентских лидеров.

Теперь буржуазия начала наращивать свою боевую мощь из всех элементов, которые были подавлены и озлоблены новыми условиями: молодежь среднего класса, отброшенная от своих высоких надежд на победу и будущее величие; уволенные офицеры, озлобленные поражением, полностью живущие в старых концепциях; молодые интеллектуалы, в отчаянии видя, что правительственные учреждения когда-то считались их монополией,

теперь занятой презируемыми социалистами и евреями. Все обнищавшие от девальвации денег, все исполненные горечи по поводу унижения своей страны, все движимые яростной волей к тому, чтобы вновь вступить в борьбу за мировую власть. Их обязывающей силой был яростный национализм, пронизанный унижительными мирными условиями, разжигаемый ненавистью к безделью кротких правителей не меньше, чем к инородным победоносным врагам. Они выступали как носители возвышенных национальных идей, в то время как рабочие на их фоне могли продемонстрировать не более чем довольство глумливой демократией никчемной республики или мнимой революционной болтовней о диктатуре большевистской партии. Таким образом, наиболее активные элементы среди подрастающей молодежи были собраны и обучены в боевые группы, вдохновленные пламенными националистическими учениями. Крупный капитал обеспечивал средства для непрерывной пропаганды среди населения. Пока мировой кризис 1930 года не поднял их на политическую арену. Бессильные социалистические лидеры даже не осмеливались призывать вооруженных рабочих к сопротивлению. «Всемирное освобождение» социал-демократии бесславно пошло прахом, как червь, съевший останки. Национализм, поднявшийся на самый высокий уровень, легко уничтожил парламентскую республику и начал организовывать все силы нации для новой войны за мировую державу.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:42:10

Артём обновил 30 декабря 2025 08:43:28